

Ревю

фильм

Фильм Марины де Ван «В моей коже» стал самым провокационным и шокирующим открытием фестиваля французского кино в Москве

“не думаю, что я показываю на экране что-то ужасное”

Марина де Ван — Газете

На экраны выходит очередной из фильмов, не так давно представленных в рамках Недели французского кино в Москве. С Мариной де Ван — автором сценария, режиссером и исполнительницей главной роли в скандальной ленте «В моей коже» — перед премьерой побеседовал корреспондент Газеты Игорь Потапов.

«В моей коже» — первый ваш полнометражный проект, в котором вы выступаете в качестве режиссера, сценариста и актера. Когда и как появилась идея снять именно этот фильм?

Сначала я думала о короткометражке — у меня появилась идея сцены с поделенным пополам экраном. Идея фильма, в котором противопоставляется экран как целое и экран, поделенный на две половинки: в одной происходит действие, в другой видны последствия этого действия. Потом я, поразмыслив, решила, что этот сюжет, эта сцена заслуживают того, чтобы быть представленными в полнометражном проекте. Откуда пришла идея? Пожалуй, причина кроется в моем личном отношении к проблеме, которую ставит перед собой мой персонаж. Это проблема тревоги, это вопрос о принадлежности собственного тела, понимание того, что наше тело непрозрачно и материально, что связь между самим собой и своим телом, своей плотью парадоксальна, непонятна и очень интригует.

Насколько вы себя отождествляете со своей героиней?

Это выдуманная история, это всего лишь сюжет. Но тревога, которую испытывает мой персонаж, — моя, меня занимают те же проблемы. Хотя, конечно, я себя так не мучаю. Я задаю себе те же вопросы, только иначе на них отвечаю.

Работая над сценарием, вы изначально представляли в этой роли именно себя?

Я с самого начала хотела играть в этом проекте главную роль, играть себя. Ведь эта идея появилась как следствие моей личной тревоги, проблемы моего собственного взаимоотношения с моим телом. Это очень личный фильм, и как раз логика этого вопроса, исследование его сути привели к мысли о том, что мне надо сниматься самой. Моя героиня тоже исследует себя, а не других — логично, чтобы я снимала саму себя.

Как вы думаете, если бы вместо вас в главной роли снималась актриса, обладающая типажом, подходящим для голливудских фильмов ужасов, какая-нибудь семнадцатилетняя пухлая блондинка, фильм воспринимался бы уже по-другому?

Не знаю, не думала об этом. Не думаю, что я в этом фильме выгляжу как-то демонически или вампирично, я там как раз похожа на такую заурядную блондинку, женственную. И на съемках все было сделано, чтобы я походила на такую блондинку. Так что в моем фильме нет ничего готического.

Ваш фильм может восприниматься с разных точек зрения. Его можно трактовать и как отражение проблем психологических, и — более обобщенных, социальных. Как, по-вашему, какая из этих двух трактовок больше соответствует вашему первоначальному замыслу?

Все-таки самое важное в фильме — связь героини с самой собой. Я сконцентрировалась на этих отношениях, но я согласна с тем, что мой фильм можно интерпретировать и по-другому.

В таком случае, что движет вашей героиней, когда она начинает буквально препарировать свое тело: самодостаточная любовь, желание лучше узнать себя или какой-то оттенок ненависти, стремление к саморазрушению?

Скорее, желание познать свое собственное тело и одновременно — желание испытать его реальность, его присутствие здесь и сейчас. Это может привести к любви или поискам любви, но никак не к ненависти. Скорее, два преобладающих чувства в моем фильме — тревога и любопытство, стремление узнать, увидеть и почувствовать.

Следуя этой страсти к познанию собственного тела, ваша героиня последовательно разрушает все отношения с друзьями и близкими. Согласны ли вы с прочтением этого как метафоры любой болезненной зависимости — наркотической или алкогольной?

Да, я совершенно согласна. Я строила свой фильм как картину самозаточения, возникающего в результате минутного импульса. Персонаж в этой ситуации поглощен отношениями с собой и разрушает все, что находится вокруг него. Здесь вот что очень важно: в связи с другими людьми героиня фильма вступает через свое собственное тело. Ставя под вопрос реальность своего тела, она подвергает сомнению существование всего окружающего

мира. Отношения с другими уже невозможны. Конечно, в случае других зависимостей это не так, это самый радикальный случай. Когда она спрашивает себя: «Реальна ли я? Присутствую ли я в этом мире?», это похоже на то, что человек испытывает тягу к наслаждению каким-то одним ощущением и замыкается внутри своей специфической логики.

В программе фестиваля французского кино в Москве в этом году ваш фильм наиболее смелый, наиболее шокирующий. Вы сами считаете, что вы подошли к какой-то крайней черте того, что можно показать на экране?

Я не думаю, что мой фильм так уж выделяется. Что же касается подхода к черте, то есть множество фильмов, в которых режиссеры идут еще дальше, так что мой ответ: «Нет. Я еще не на краю».

Когда во время просмотра зрители не выдерживают и выходят из зала, вы считаете эту реакцию ненормальной?

Я не думаю, что я показываю на экране что-то ужасное. Полно картин, в которых крови во много раз больше, а люди их смотрят, что ни день. Если кто-то не может досмотреть мой фильм до конца, для меня это не комплимент и не оскорбление — это зависит от вкусов каждого зрителя. То, что кто-то вышел из зала, характеризует лично его, но никак не фильм. Жалко, что они не досмотрели, но вообще-то меня такая реакция оставляет равнодушной.

Финал вашего фильма открыт. Мы не знаем, что дальше произойдет с героиней. Если бы вам предложили снять продолжение фильма, довести свой персонаж до финальной точки — будь то смерть или излечение, вы бы согласились?

Я считаю, что финальная точка уже есть. Она идет к чему-то другому. Она продолжает жить своей жизнью и, возможно, потом отвлечется на другие заботы.